

Научная статья

УДК 811.512.156

DOI 10.17223/18137083/79/18

**Вариативное падежное маркирование  
посессивных именных групп в позиции прямого дополнения  
в тувинском языке**

**Чойган Геннадиевич Ондар**

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва  
Кызыл, Россия

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

choygandi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5779-4217>

*Аннотация*

Исследуются факторы, определяющие выбор падежного оформления посессивных именных групп в позиции прямого дополнения в тувинском языке. Возможны следующие случаи оформления. Если посессор стоит в форме генитива, то посессум обязательно принимает показатель аккузатива. Вариативное оформление встречается только с показателями 1-го и 2-го лица на посессуме. Если посессор стоит в форме номинатива, то посессум допускает вариативное оформление номинативом и аккузативом. Факторы, влияющие на вариативное маркирование, таковы: определенность, одушевленность референта посессора, линейная отдаленность компонентов посессивной конструкции, наличие дополнительных определений, актуальное членение высказывания.

*Ключевые слова*

тувинский язык, дифференцированное маркирование объекта, вариативное падежное маркирование, номинатив, аккузатив, генитив, посессивная именная группа

*Для цитирования*

Ондар Ч. Г. Вариативное падежное маркирование посессивных именных групп в позиции прямого дополнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 254–270. DOI 10.17223/18137083/79/18

© Ондар Ч. Г., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 254–270

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 254–270

# Variable case marking of possessive nominal phrases in the direct object position in Tuvan

Choigan G. Ondar

Aldan Maadyr National Museum of the Republic of Tuva  
Kyzyl, Russian Federation

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation

choygandi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5779-4217>

## Abstract

Considering the phenomenon of differential object marking of the direct object in possessive nominal phrases (NPs) has revealed two varieties of differential case marking in the Tuvan language: of the direct object and of the possessor. Thus, it was interesting to check the correlation between the factors influencing variation in both cases. The choice in favor of the genitive marking of the possessor is found to be determined by definiteness, animacy of the referent of some NPs, the linear remoteness of the possessive construction components, and additional definitions. Genitive marking of a possessor with an indefinite or non-referential status is due to the sentence information structure. The same set of factors is relevant for choosing accusative direct object labeling. Thus, the obligatory accusative marking of possessive NPs with a genitive possessor in the position of a direct object is associated with the same factors in the structure of relations between components that determined the choice of the genitive form of the possessor. Accusative marking of the direct object of possessive NPs without a genitive is determined by the definiteness of the possessor, the presence of identifying definitions, the presupposition of the singularity of the referent, the sentence information structure, with different communicative status of the object and the predicate. Possessive NPs without a genitive in the direct object position are used in the nominative: if their referent has an indefinite or non-referential status, they are in the utterance rheme with a contact arrangement to the control verb and have no other determinants.

## Keywords

Tuvan language, differential object marking, variant case marking, nominative case, accusative case, genitive case, possessive nominal phrase

## For citation

Ondar Ch. G. Variable case marking of possessive nominal phrases in the direct object position in Tuvan. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 254–270. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/18

## Введение

В данной работе исследуется вариативность оформления имени в позиции прямого дополнения, характерная для многих языков аккузативного типа: романских, германских, славянских, уральских, алтайских (см. [Aissen, 2003; Haspelmath, 2005; De Swart, 2007; Dalrymple, Nikolaeva, 2011] и др.). В англоязычной литературе это явление получило название «дифференцированное маркирование объекта» (англ. *differential object marking*, DOM): часть именных групп (далее – ИГ) в роли прямого дополнения (далее – ПД) обязательно или наиболее вероятно получает одно падежное маркирование, в то время как остальные ИГ в той же позиции маркируются другим падежом [Bossong, 1985]. В тувинском языке ПД может оформляться номинативом (NOM), аккузативом (ACC) и аблативом (ABL).

Несмотря на большое количество типологических исследований по данной теме, необходимо детальное исследование вариативности падежного маркирования прямого дополнения и определяющих его причин на материале конкретных языков, так как роль и значение тех или иных факторов для каждого языка индивидуальны.

В тюркологии данная тема исследуется с середины XIX в. Выбор падежного маркирования ПД в тюркских языках связывается с рядом факторов:

1) с категорией определенности / неопределенности: ИГ, имеющие определенный референциальный статус, оформляются аккузативом, а неопределенные – номинативом (см. [Казем-бек, 1846; Майзель, 1957; Nilsson, 1978] и др.);

2) с отношениями между глаголом и дополнением: если дополнение сливается с глаголом-сказуемым, то оно не получает эксплицитного оформления, если же действие и объект четко разграничиваются, то аккузативное оформление обязательно [Тыбыкова, 1985; Убрятова, 2006];

3) с порядком слов в предложении: ПД в номинативе употребляется только в позиции непосредственно перед сказуемым, если между ними оказывается какой-нибудь другой член предложения, то аккузативное оформление обязательно [Исхаков, Пальмбах, 1961];

4) с коммуникативной структурой высказывания: если ПД находится в теме высказывания, то оно всегда оформляется аккузативом, если ПД само является ремой или находится в реме вместе со сказуемым, то не получает эксплицитного падежного оформления [Johanson, 1977; Muravyova, 1992];

5) с дискурсивной значимостью ИГ: аккузативное оформление получают персонажи дискурса при первом упоминании в тексте [Толдова, Сердобольская, 2002];

6) со структурным типом именной группы: ДОМ опирается на оппозицию двух структурных типов ИГ – максимальных именных проекций (именные группы с генитивным зависимым) и именных групп малой структуры (существительное с разнообразными определениями, кроме генитивного посессора) [Лютикова, 2014].

Цель настоящей статьи – рассмотреть факторы, определяющие вариативное падежное маркирование ПД в составе изафетных конструкций 2-го и 3-го типов в форме 3-го лица в тувинском языке, и проверить, насколько они соотносятся с факторами, влияющими на вариативность падежного маркирования посессора.

Материалом для исследования послужили 500 предложений, извлеченных из разных источников на тувинском языке, в которых представлено 760 примеров использования ПД.

Сбор материала проводился методом сплошной выборки предложений, которые содержат посессивные ИГ в функции прямого дополнения, оформленного аккузативом или номинативом<sup>1</sup>. Из каждого текста выписано равное количество предложений. После этого были выделены все ПД, выраженные посессивными именными группами.

Для анализа материала использованы описательный и комплексный анализ структуры и семантики конструкций.

---

<sup>1</sup> Примеры маркирования ПД аблативом в данной статье не рассматриваются ввиду специфичности факторов, влияющих на их маркировку.

## 1. DOM в посессивных именных группах в тувинском языке

ПД может являться вершиной посессивной конструкции, состоящей из двух именных членов: ПД обозначает предмет обладания, а зависящий от него компонент – обладателя.

Первый компонент (посессор) маркируется номинативом (NOM) или генитивом (GEN). Выбор падежа обусловлен свойствами посессивной конструкции, семантикой входящих в ее состав компонентов, их референциальным статусом и т. п. Ср. примеры (1) и (2):

(1) *бажың ханазы*  
бажың=∅ хана=зы  
дом=NOM стена=POSS.3  
'стена дома'

(2) *бажыңның ханазы*  
бажың=ның хана=зы  
дом=GEN стена=POSS.3  
'стена дома'

В тюркологии для описания такой структуры используется термин «изафетная конструкция» (далее – ИК), т. е. притяжательное определительное сочетание, в котором отношение определения и определяемого, кроме порядка слов, выражено специальными аффиксами родительного падежа (или без них) при определении и аффиксами принадлежности – при определяемом [Баскаков, 1979, с. 221–222].

Выделяется три типа ИК. Первый тип (ИК1, или безаффиксный изафет) современными исследователями как собственно изафетная конструкция не рассматривается, так как она не передает отношений принадлежности, а определяемое имя не имеет посессивного показателя (например, тув. *ыяш=∅ бажың=∅* 'деревянный дом'; букв.: дерево дом). В данной работе этот тип ИК не рассматривается.

В конструкциях второго типа (ИК2, или одноаффиксный изафет) посессор не имеет генитивного аффикса, а вершина оформлена посессивным показателем (например, тув. *кижи=∅ баж=ы* 'голова человека'; букв.: человек голова=его).

В конструкциях третьего типа (ИК3, или двааффиксный изафет) посессор оформляется генитивным аффиксом, а посессум – посессивным (например, тув. *оол=дуң ном=у* 'книга мальчика'; букв.: мальчик=GEN книга=его) [Майзель, 1957, с. 17].

Второй компонент (посессум, объект обладания), находящийся в позиции ПД, принимает форму либо номинатива, либо аккузатива. Это определяется свойствами посессивной конструкции или зависит от свойств высказывания в целом.

(3) [*Ыт чеми эккелдим*] рема-  
ыт=∅ чем=и=∅ эккел=ди=м  
собака=NOM корм=POSS.3=NOM приносить=PAST=1SG  
'Я принес собачий корм.'

(4) [*Ыттың чемин*] <sub>тема</sub> [*утпас сен*] <sub>рема</sub>.  
 ыт=ТЫҢ                      чем=И=Н                      ут=пас                      сен  
 собака=GEN                      корм=POSS.3=ACC                      забывать=FUT.NEG                      2SG  
 ‘Не забудь о корме собаки.’

В примере (3) ИГ является устойчивым сочетанием, имеет неопределенный референциальный статус, вместе с глаголом находится в реме высказывания. А в примере (4) речь идет о корме конкретной собаки, ИГ составляет тему высказывания.

Таким образом, при рассмотрении явления DOM замечаем, что в ИК пересекаются две разновидности дифференцированного падежного маркирования в тувинском языке: вариативное маркирование ПД и вариативное маркирование посессора в изафетных конструкциях. В этой связи интересно проверить, насколько факторы, влияющие на вариативность в обоих случаях, соотносятся друг с другом.

## 2. Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ

Описание закономерностей падежного варьирования в оформлении ПД целесообразно начать с ИКЗ, так как в составе этой конструкции оба компонента маркированы: посессор принимает показатель генитива, а посессум – лично-притяжательный аффикс.

По количеству эксплицитных компонентов ИКЗ делятся на односоставные (*бажыңы* ‘дом-его’) и двусоставные (*ооң бажыңы* ‘он.GEN дом-его’), по семантике первого компонента – на выражающие личную (*мээң номум* ‘я.GEN книга-моя’) или предметную (*шаланың хири* ‘пол.GEN грязь-его’) принадлежность. ИКЗ, выражающие личную принадлежность, могут быть во всех трех лицах.

Падежное оформление ПД связано с категорией лица посессора: если лично-притяжательные аффиксы на посессуме указывают на 3-е лицо посессора, аккузативное маркирование ПД обязательно: ИКЗ 3-го лица – как односоставные, так и двусоставные – в позиции ПД всегда маркированы аккузативом:

POSSR=GEN POSSM=POSS3=ACC

Это дает основания предполагать наличие прямой зависимости между генитивным оформлением посессора и аккузативным оформлением вершины ИКЗ в позиции ПД.

Если посессум оформляется показателями 1-го или 2-го лица, то ПД может принимать форму либо аккузатива, либо номинатива:

POSSR=GEN POSSM=POSS1,2=NOM/ACC

Вариативность падежного оформления ПД при 1-м и 2-м лице посессора обусловлена тем, что аккузатив как средство указания на определенность объекта при 1-м и 2-м лице теряет свою значимость, так как определенность объекта подчеркивается соотносительностью с говорящим или слушающим. Случаи аккузативного маркирования объясняются теми же условиями, которые релевантны для нераспространенных ИГ, кроме определенности (подробнее см.: [Ондар, 2021a]).

Далее проанализируем, насколько факторы, определяющие выбор генитивного оформления посессора ИКЗ и аккузативного оформления ПД, пересекаются, исходя из гипотезы, что обязательное аккузативное оформление ИКЗ в позиции ПД

в тувинском языке прямым образом связано с факторами, определившими генитивное оформление посессора.

П. В. Гращенков в работе, посвященной анализу ИК в мишарском диалекте татарского языка, сформулировал три ключевых правила выбора генитивного маркирования посессора ИКЗ.

«(I) В случае нераспространенных ИГ (т. е. при отсутствии модификаторов у зависимого имени и, как правило, при отсутствии у вершинного имени других модификаторов, кроме существительного, образующего ИК2 / ИК3) оформленный генитив (ИКЗ) связан с выражением определенного референциального статуса образуемой зависимым существительным ИГ.

(II) Генитивное оформление (ИКЗ) способны получать только те ИГ, которые обозначают объект, являющийся важным с точки зрения говорящего (и слушающего) участником событий дискурса.

(III) В том случае, когда референциальный статус предписывает зависимому имени безгенитивное оформление, но: а) это имя имеет свои модификаторы, или б) у вершинного имени существуют дополнительные модификаторы; предпочтительнее, тем не менее, оформлять его показателем генитива (ИКЗ)» [Гращенков, 2002].

В тувинском языке оформление посессора ИКЗ генитивом, а посессума в позиции дополнения аккузативом также связано в первую очередь с определенным референциальным статусом ИГ. Посессум ИКЗ с определенным посессором маркируется аккузативом, при этом определенность или неопределенность посессума не имеет значения: он может быть и определенным, и неопределенным. Это проиллюстрировано в примере (5), где до этого момента не было известно о наличии у главного героя лука и стрелы. Однако определенность ИГ здесь связана с определенностью посессора. Таких примеров в наших материалах большинство.

(5) *Кызытпа чазы-биле сыйда оьгун ап алгаиш, {бөрүнү аъттың хөрээниң иштинге сындыра берген}* (Тувинские народные сказки, 1994, с. 252).

кызытпа	ча=зы-биле	сыйда
маленький	лук=POSS.3-POSTP	острый
<b>оьг=у=н</b>	а=п	ал=гаш
<b>стрела=POSS.3=ACC</b>	братъ=CV	AUX=CV

‘Взяв свой маленький лук и остроконечную стрелу, {стал втискивать волка в конскую грудь.}’

В многоступенчатых ИКЗ определенность посессора может быть установлена через известность его посессора, как в примере (6), где речь идет о хозяйстве уже известного Караты-Хаана. Первый посессивный показатель – это анафорическая отсылка к личности хана.

(6) *Ижик-дөжээниң хозун, кажгаа-хораазының иштин бакылаай-ла мен* (Тувинские народные сказки, 1994, с. 258).

<b>ижик-дөжэ=э=нин</b>	хоз=у=н
<b>кровать=POSS.3=GEN</b>	<b>полость=POSS.3=ACC</b>
<b>кажгаа-хораа=зы=нын</b>	<b>ишт=и=н</b>
<b>скотный.двор=POSS.3=GEN</b>	<b>внутри=POSS.3=ACC</b>
бакыла=ай-ла	мен
заглядывать=IMP.1SG-PRTCL	1SG

‘Я под его кровать, в его скотный двор загляну.’



Линейная отдаленность между синтаксически связанными элементами конструкции приводит к необходимости эксплицитного маркера при зависимом компоненте. Такая мера необходима во избежание неоднозначности синтагматических отношений между членами распространенной конструкции.

В тувинском языке встречаются ИК3 со слабоопределенным и нереферентным статусом посессора [Падучева, 2010, с. 90, 94].

В примере (11) ожидаемо употребление ИК2 (устойчивого сочетания *кудумчу ыттары* ‘уличные собаки’), однако в силу различия коммуникативного статуса объекта и предиката и посессора, и посессум получают эксплицитное маркирование. В данном примере ИК3 составляет тему как данность – экзистенциальная пресуппозиция.

(11) <...> [кудумчунуң ыт-кужуң] тема [доюлдурбушаан] рема <...> (Даржай, 1984, с. 9).

<b>кудумчу=нуң</b>	<b>ыт-куж=у=н</b>	доюлдур=бушаан
<b>улица=GEN</b>	<b>собака=POSS.3=ACC</b>	оживлять=CV

‘<...> поднимая уличных собак на ноги <...>.’

Другой случай вариативного генитивного маркирования, имеющий семантико-синтаксическое объяснение, продемонстрирован в примерах (12) и (13). Ситуация, описанная в примере (12), произошла раньше, и здесь *орун* ‘кровать’ вводится в дискурс впервые. С точки зрения грамматического звучания и влияния фактора неопределенности здесь также более ожидаемо оформление номинативом вместо генитива.

(12) Долзат хевин ужулбайн, оруннуң шывыын часпайн-даа чыдып алган (Даржай, 1984, с. 7).

Долзат=∅	хев=и=н	ужул=байн
Долзат=НОМ	одежда=POSS.3=ACC	снимать=NEG.CV
<b>орун=нуң</b>	<b>шывы=ы=н</b>	
<b>кровать=GEN</b>	<b>покрывало=POSS.3=ACC</b>	

час=пайн=даа	чыд=ып	ал=ган
открывать=NEG.CV=PRTCL	лежать=CV	AUX=PAST1

‘Долзат, не снимая одежду, даже не расправив покрывало кровати, легла.’

Однако выбор автора находит объяснение: генитив здесь является необходимым для разбивки устойчивого сочетания *орун шывыы* ‘покрывало’, являющегося лексическим единством. Сочетание *оруннуң шывыы* в данном случае можно перевести как ‘покрывало кровати, или то, чем укрыта кровать’, т. е. кровать и покрывало специально разделяются как отдельные слова. А аккузативное маркирование всей ИГ связано с генитивным маркированием посессора. Независимо от причин генитивного маркирования посессора посессум ИК3 в позиции ПД всегда маркируется аккузативом.

Ситуация, описанная в примере (13), происходит позже, чем ситуация, представленная в примере (12). ИГ *орун шывыы* ‘покрывало’ получает аккузативное маркирование по правилу определенности: оно упоминается уже не в первый раз. Однако посессор здесь оформляется номинативом, что указывает на лексическое единство словосочетания, которое по характеристикам относится к ИК2.

(13) *Долзат орун шывыын дүргеиш, {сандай кырынче салып кааш, чоорган ши-тинче кире халаан}* (Даржай, 1984, с. 11).

Долзат=∅                      орун=∅                      шывы=ы=н  
Долзат=NOM                      кровать=NOM                      покрывало=POSS.3=ACC  
дүр=геш  
складывать=CV  
'Долзат, сложив покрывало {и положив на стул, залезла под одеяло.}'

Таким образом, ИК2, выражающие лексические единства, при появлении фактора, разрывающего эту связь, ведут себя точно так же, как синтаксическое сращение предиката и объекта при разнице их коммуникативного статуса, т. е. получают маркер на зависимом имени.

В реальных высказываниях посессор ИК3 часто имеет нереперентный экзистенциальный статус [Падучева, 2010, с. 94], т. е. не является определенным, конкретным и выражает неиндивидуализированный объект. Посессор ИК3 в примере (14) имеет дистрибутивный статус [Там же], т. е. имеется в виду не какая-то конкретная зима, а всякая. Здесь ИК3 также находится в теме высказывания.

(14) *Кыштың соогун бис-даа айыыл деп уткуур бис* (Тока, 1951, с. 9).

кыш=тың    соог=у=н                      бис=∅-даа  
зима=GEN    холод=POSS.3=ACC                      мы=NOM-PRCTL  
айыыл=∅                      деп    утку=ур                      бис  
опасность=NOM    CONJ    встречать=PRS2 1PL  
'Мы же встречаем зимний холод как опасность.'

Часто в таких случаях посессором ИК3 являются вопросительные и определительно-отрицательные местоимения, которые сами в позиции ПД всегда имеют аккузативный показатель, а в позиции посессора в большинстве случаев маркируются генитивом.

(15) *Буян эгезинде чунуң-даа ужу-бажсын тыппаан* (Кудажы, 2002, с. 11).

Буян=∅                      эге=зин=де                      чү=нүн-даа  
Буян=NOM    начало=POSS.3=LOC                      что=GEN-PRCTL  
уж=у-баж=ы=н                      тып=паан  
конец=POSS.3-начало=POSS.3=ACC                      находить=PAST1.NEG  
'Буян сначала ничего не мог понять.'

(16) *Соскар кымның-даа чугаазын дыңнавайн, {отче чүткүп-ле турган}* (Кудажы, 2002, с. 12).

Соскар=∅                      кым=ның-даа                      чугаа=зы=н  
Соскар=NOM                      кто=GEN-PRCTL                      слово=POSS.3=ACC  
дыңна=вайн  
слушать=NEG.CV  
'Соскар, не слушая ничьи уговоры, {всё пытался пробиться к огню.}'

Обязательное генитивное и аккузативное маркирование данных классов местоимений в позиции посессора ИК3 и ПД мы связываем, во-первых, с необходимостью определения их роли в семантико-синтаксической структуре высказывания, т. е. когда кто-то задает вопрос, он должен указать на семантическую роль главной вопрошаемой информации; во-вторых, с актуальным членением предложения: обычно это отрицательные предложения, и, возможно, в них актуализируется ограничение.

Таким образом, выбор генитива посессора ИК3 объясняется не только влиянием категории определенности. Кроме того, выбор в пользу генитивного маркирования определяется одушевленностью референта некоторых ИГ, линейной отдаленностью компонентов ИК, наличием дополнительных определений. Генитивное маркирование посессора ИК3 с неопределенным или нереферентным статусом может быть обусловлено актуальным членением предложения: в таких случаях ИК3 находится в теме высказывания как данное. Такой же набор факторов релевантен для выбора аккузативного маркирования ПД. Вероятно, те же факторы, которые оказались решающими в выборе генитивного посессора в ИК3, требуют и обязательного аккузативного маркирования посессума ИК3 в форме 3-го лица в роли ПД.

### 3. Маркирование прямого дополнения в составе ИК2

В этом типе ИК посессор не маркирован, а посессум содержит маркер посессивности 3-го лица: POSSR=∅ POSSM=POSS3=NOM/ACC. Определение указывает на родовое или коллективное понятие, в котором не производится выделения единичных, индивидуальных частей [Дмитриев, 1940, с. 50]; ИГ имеет неопределенный референциальный статус [Гращенков, 2002]. Такой тип изафета часто используется в устойчивых терминологических сочетаниях [Майзель, 1957, с. 42], которые Е. И. Убрятова называет «лексическим единством» [Убрятова, 2006, с. 122].

В наших материалах представлено 22 примера ИК2, каждый из которых демонстрирует уникальный набор параметров, влияющих на выбор маркировки ПД.

В отличие от мишарского диалекта татарского языка, в тувинском языке ИК2 могут иметь определенный референциальный статус и по параметру определенности получать аккузативное маркирование в позиции ПД.

#### 3.1. Факторы, определяющие аккузативное маркирование ИК2

ПД в составе ИК2 всегда оформляется аккузативом, если он имеет определенный референциальный статус (9 из 22 примеров). При этом определенность ИК2 устанавливается по определенности посессора. Такой тип определенности называют ассоциативной, когда «референциальная привязка осуществляется через определенность других описываемых объектов» [Муравьева, 2008, с. 373].

В примере (17) определенность посессума устанавливается через его непосредственное отношение к известному из ближайшего контекста гидрониму *Барык*.

(17) *Кызыл чалбыыш Барык унун шыва берген турган* (Кудажы, 2002, с. 10).

кызыл	чалбыыш=∅	<b>Барык=∅</b>	<b>ун=у=н</b>
красный	пламя=NOM	<b>Барык=NOM</b>	<b>русло=POSS.3=ACC</b>
шив=а	бер=ген	тур=ган	
покрывать=CV	AUX=PP	AUX=PAST1	

‘Красное пламя покрыло русло Барыка’.

В примере (18) маркером определенности служит посессивный аффикс 2-го лица при посессоре *акы-ң* ‘твой брат’.





(24) [Орук демдектери тудуп алган болур] <sub>рема</sub> (Серен-оол, 1995, с. 3).

орук=∅                      демдек=гер=и                      туд=уп  
дорога=NOM              знак=PL=POSS.3              держать=CV  
ал=ган                      бол=ур  
AUX=PP                      быть=PRS2

‘Он держит в руках дорожные знаки.’

В примере (25) представлена нереперентная ИГ также в реме высказывания.

(25) {Хойтпак?} Па, бе хымызы танывас кижисен бе, Долаана? (Серен-оол, 1995, с. 4).

па                      бе=∅                      хымыз=ы=∅  
INTJ                      кобыла=NOM                      кумыс=POSS.3=NOM  
таны=вас                      кижисен=∅                      сен      бе  
знать=PrP.NEG                      человек=NOM                      2SG      PRTCL

Долаана=∅

Долаана=NOM

‘{Хойтпак<sup>3</sup>?} Па, ты не знаешь кумыс кобылы, Долаана?’

Таким образом, ИК2 в позиции ПД употребляется в номинативе, если ее референт имеет неопределенный или нереперентный коммуникативный статус, и она находится в реме высказывания при контактном расположении к управляющему глаголу и не имеет других определений.

## Выводы

Таким образом, при исследовании вариативного падежного оформления ИК2 и ИК3 в форме 3-го лица посессора в позиции ПД мы выявили ряд релевантных факторов, которые определяют выбор аккузативного маркирования. Обязательное аккузативное маркирование ИК3 в позиции ПД связано с наличием тех же факторов в структуре отношений между частями ИК3, которые определили выбор генитивного оформления посессора. Падежное маркирование ИК2 в позиции ПД не отличается от маркирования неизафетных ИГ. Тувинский язык демонстрирует более широкий набор пересекающихся факторов, влияющих на генитивное маркирование посессора и аккузативное маркирование ПД по сравнению с мишарским диалектом татарского языка. Например, на материалах мишарского диалекта влияние фактора актуального членения предложения не очевидно, тогда как для тувинского языка в ряде случаев он имеет решающее значение. Поэтому необходимо детальное изучение данной темы на материалах каждого тюркского языка в отдельности и в их сопоставлении.

## Список сокращений

∅ – нулевая морфема; **1, 2, 3** – показатель лица; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **CONJ** – союз; **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **FUT** – форма будущего времени с показателем =ap; **GEN** – генитив; **IMP** – форма повелительного наклонения; **INF** – инфинитив; **INTJ** – междометие; **ITER** – многократный вид с аффиксом =гыла; **LOC** – локатив; **NEG** – отрицательный аффикс

<sup>3</sup> Кисломолочный продукт.

глагола, причастия, деепричастия; **NOM** – номинатив; **PRTCL** – частица; **PAST** – форма прошедшего категорического времени с показателем =ды; **PAST1** – форма прошедшего неопределенного времени с аффиксом =ган; **PFV** – законченный (совершенный) вид с аффиксом =ывыт; **PL** – множественное число; **POSS** – possessивный аффикс; **POSSM** – посессум; **POSSR** – посессор; **POSTP** – послелог; **PP** – форма причастия с аффиксом =ган; **PrP** – форма причастия с аффиксом =ар; **PRS2** – форма настоящего времени с аффиксом =ар; **SG** – единственное число.

### Список литературы

- Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизмы агглютинации). М.: Наука, 1979. 276 с.
- Гращенков П. В.* Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка. М., 2002. URL: <https://pandia.ru/text/78/577/35930-3.php>
- Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 206 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.
- Казем-бек А. К.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846. 456 с.
- Лютикова Е. А.* Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Rhema*. Рема. 2014. № 4. С. 50–70.
- Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 187 с.
- Муравьева И. А.* О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. С. 321–420.
- Ондар Ч. Г.* Дифференцированное маркирование объекта в изафетных конструкциях 1-го и 2-го лица в тувинском языке // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021а. Вып. 22. С. 7–12. DOI 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-2
- Ондар Ч. Г.* Дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке: зависимость от функции и характера определения // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021б. № 1 (Вып. 41). С. 154–162. DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-154-162
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.
- Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // Тр. Междунар. семинара «Диалог 2002» по компьютерной лингвистике. М., 2002. Т. 1: Теоретические проблемы.
- Тыбыкова А. Т.* Безаффиксальная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 75–86.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 618 с.
- Aissen J.* Differential Object Marking: Iconicity vs Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Iss. 21. P. 435–483.

Bossong G. Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Narr, 1985. 186 S.

Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and Information Structure*. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2011. 247 p.

Swart P. J. F. de. Cross-linguistic variation in object marking. Utrecht: LOT, 2007.

Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic Discovery*. 2005. No. 3.1. P. 1–21.

Johanson L. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement. 1977. Bd. III/2. S. 1186–1203.

Muravyova I. A. Unmarked noun form in Turkic languages: a typological point of view // *Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference (Budapest, June 24–29, 1990)*. Budapest: Academic Press, 1992. P. 257–261.

Nilsson B. Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // *Orientalia suecana*. 1978. No. 27–28. P. 118–131.

#### Список источников

Даржай А. А. Чуртгаарын күзезинзе... [Если хочешь жить]. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1984. 204 с.

Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. 373 с.

Серен-оол В. С. Сөөскеннер чечектелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1995. 239 с.

Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл: Изд-во Тув. АО, 1951. 154 с.

Тувинские народные сказки / Сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с.

#### References

Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003, iss. 21, pp. 435–483.

Baskakov N. A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov: (Struktura slova i mekhanizmy agglyutinatsii)* [Historical and typological morphology of the Turkic languages: (Word structure and agglutination mechanisms)]. Moscow, Nauka, 1979, 276 p.

Bossong G. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen, Narr, 1985, 186 p.

Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and Information Structure*. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 247 p.

Dmitriev N. K. *Grammatika kumykskogo yazyka* [Grammar of the Kumyk language]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1940, 206 p.

Grashhenkov P. V. *Tyurkskaya imennaya gruppa: tysyacha i odna zagadka* [Turkic noun phrase: a thousand and one riddles (manuscript)]. Moscow, 2002. URL: <https://pandia.ru/text/78/577/35930-3.php>

Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. *Linguistic Discovery*. 2005, no. 3.1, pp. 1–21.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language: phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.

Johanson L. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement*. 1977, vol. III/2, pp. 1186–1203.

Kazem-bek A. K. *Grammatika turetsko-tatarskogo yazyka* [Grammar of the Turkish-Tatar language]. Kazan', 1846, 456 p.

Lyutikova E. A. Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoe markirovanie ob'ekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka [Case and noun phrase structure: Variable object marking in the Mishar dialect of the Tatar language]. *Rhema. Rema*. 2014, no.4, pp. 50–770.

Mayzel' S. S. *Izafet v turetskom yazyke* [Izafet in Turkish]. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1957, 187 p.

Murav'eva I. A. O traktovke neofornennogo imeni v tyurkskikh yazykakh [On the interpretation of an unformed name in the Turkic languages]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the theory of grammar]. Moscow, Gnozis, 2008, Iss. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse [Grammar categories in discourse], pp. 321–420.

Muravyova I. A. Unmarked noun form in Turkic languages: a typological point of view. In: *Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference (Budapest, June 24–29, 1990)*. Budapest, Academic Press, 1992, pp. 257–261.

Nilsson B. Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative. *Orientalia suecana*. 1978, no. 27–28, pp. 118–131.

Ondar Ch. G. Differentsirovannoe markirovanie ob'ekta v izafetnykh konstruktsiyakh 1-go i 2-go litsa v tuvinskom yazyke [Differential object marking in 1st and 2nd-person Izafet constructions of the Tuvan language]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov 8 (22) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchennykh (15–17 aprelya 2021 g.)* [Actual problems of Linguistics and Literary studies. Proceedings of the 8 (22) International Scientific and Practical Conference of young scientists (April 15–17, 2021)]. Tomsk, TSU Publ., 2021a, iss. 22, pp. 7–12. DOI 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-2

Ondar Ch. G. Differentsirovannoe markirovanie ob'ekta v tuvinskom yazyke: zavisimost' ot funktsii i kharaktera opredeleniya [Differential Object Marking in Tuvan language: dependence on the function and nature of the definition]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021b, no. 1 (iss. 41), pp. 154–162. DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-154-162

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [Statement and its correlation with reality: referential aspects of the semantics of pronouns]. 6th ed. Moscow, Izd. LKI, 2010, 296 p.

Swart P. J. F. de. *Cross-linguistic variation in object marking*. Utrecht, LOT, 2007.

Toldova S. Yu., Serdobil'skaya N. V. Namereniya govoryashchego i referentsial'nye svoystva imennykh grupp [Speaker's purpose and the referential status of noun phrases]. In: *Tr. Mezhdunar. seminara "Dialog 2002" po komp'yuternoy lingvistike* [Proc. of the International seminar "Dialogue 2002" on computational linguistics]. Moscow, 2002, Vol. 1: Teoreticheskie problem [Theoretical problems].

Tybykova A. T. Bezaffiksial'naya forma imeni sushchestvitel'nogo v roli pryamogo dopolneniya v altayskom yazyke [Non-affixal form of direct object in the Altaic lan-

guage]. In: *Morfologiya tyurkskikh yazykov Sibiri* [Morphology of the Turkic languages of Siberia]. Novosibirsk, 1985, pp. 75–86.

Ubryatova E. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 618 p.

#### **List of sources**

Darzhay A. A. *Esli khochesh' zhit'* [If you want to live]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1984, 204 p.

Kudazhy K.-E. K. *Ulug-Khem neugomonnyy* [Restless Ulug-Khem]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 2002, 373 p.

Seren-ool V. S. *V poru tsveteniya tavolgi* [In the time of flowering of meadow-sweet]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1995, 239 p.

Toka S. K. *Slovo arata* [The word of an Arat]. Kyzyl, Izd. Tuv. AO, 1951, 154 p.

*Tuvinskie narodnye skazki* [Tuvan folk tales]. Z. B. Samdan (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1994, 460 p.

#### **Информация об авторе**

*Чойган Геннадиевич Ондар*, ученый секретарь

#### **Information about the author**

*Choigan G. Ondar*, Scientific Secretary

*Статья поступила в редакцию 10.05.2021;  
одобрена после рецензирования 12.06.2021; принята к публикации 12.06.2021  
The article was submitted 10.05.2021;  
approved after reviewing 12.06.2021; accepted for publication 12.06.2021*